ПЕРЕВОДЫ

В. Бальсевичюте-Шлекене

ТЕМА ВАРВАРА В РУССКОЙ И ЛИТОВСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье анализируется тема варвара в русской и литовской поэзии. Выбраны три стихотворения с одинаковым названием — «Скифы» Александра Блока (1918), «Скифы» Альбинаса Бернотаса из сборника «Колеи» (1981) и «Скифы» Витаутаса Бложе из сборника «В старой усадебке» (1994). Тема давно исчезнувшего народа порождает определённые семантические ожидания, заставляет размышлять о жизни и исчезновении народов, о вопросах войны, истории, об их правомерности и т.д. В этих аспектах и проанализированы указанные тексты с целью раскрыть в них трактовку варварства, найти параллели и различия, охватить разнообразие смыслов. Констатируется, что в стихотворениях литовских поэтов есть немногочисленные переклички с уже давним стихотворением Блока. Все три стихотворения созданы в своей историко-литературной ситуации, их сближает сильное поле политических и идеологических смыслов, с помощью которых чаще всего и выражаются трагические аспекты истории.

Ключевые слова: тема варварства; поэзия А. Блока, А. Бернотаса, В. Бложе.

В статье[1] я обращаюсь к теме варвара в литовской и русской поэзии. В обеих литературах данная тема встречается нечасто, поэтому мною отобраны те тексты, в которых образ варвара представлен наиболее ярко и появляется возможность раскрыть параллели и различия. Анализируются три стихотворения с одинаковым названием: «Скифы» Александра Блока (написано в январе 1918 года), «Скифы» Альбинаса Бернотаса (из сборника «Колеи», 1981) и «Скифы» Витаутаса Бложе (из сборника «В старой усадебке», 1994). Отбор стихотворений произведён по тематическому принципу, предполагается, что может быть выявлено достаточно обширное поле смыслов, которые и будут проанализированы. Следует признать тот факт, что между литовским и русским народами всегда находилось огромное пространство культурного и политического напряжения, следствием чего, как ожидается, и станут различные трактовки варвара и варварства.

Кто такие скифы? Как сказано в «Энциклопедии русской истории», скифами назывался народ, обитавший уже в VII в. до н.э. на северном побережье Чёрного моря в степях между Днепром и Доном. Важнейшая

---

[1] Данная статья является переводом с литовского: Balsevičiūtė. – Šlekienė V. Barbaro tema A. Bloko, A. Bernoto, V. Bložės eilėraščiuose // Acta litteraria comparativa. Mokslo darbai. 3. Vilnius, 2008. – P. 123–129.

территория скифов — Крым. Они были восточным народом, относившимся к иранской языковой группе, пришедшим на указанные территории с востока и затем смешавшимся с местным населением. Скифское государство было достаточно сильным в VI в. до н.э., внушавшим опасение Персидской империи. Скифов не мог одолеть Александр Македонский. Но уже в III в. до н.э. скифское государство стало слабеть и погибло в III в. н.э. в результате завоевания готтов. С того времени они потеряли самостоятельность и растворились в период великого переселения народов. Они оставили свой след в истории Древней Руси: их экономика, военное дело, искусство оказали влияние на южнорусские народы [6: с. 505–506]. Хоронили скифских царей в курганах, раскопки которых предоставляют много сведений об этом исчезнувшем народе: в курганах были найдены их золотые украшения, оружие, изделия из кости. Большинство из них относятся к так называемому стилю «зверя», имитирующему схватку с дикими животными. Для скифской мифологии характерны индоиранские черты, что еще раз подтверждает мысль об их восточности, азиатстве [5: II, с. 445–450].

Тема исчезнувшего народа предполагает определённые семантические ожидания, намечая определённый спектр подтем — о сохранении и исчезновении народа, о взаимоотношениях народов, о войнах, их правомерности, об истории вообще и т.п. Как это освещается в трёх стихотворениях с одинаковым заглавием — «Скифы»?

Стихотворение Блока написано вскоре после Октябрьской революции и в агонии Первой мировой войны. Время охарактеризовано как пора большой беды, возможной катастрофы, «ужасов войны»: «Вот срок настал. Крылами бьёт беда…». На фоне предчувствия катастрофы разворачиваются размышления о формировавшейся в течение тысячи лет проблеме Востока и Запада, России и старого мира.

Стихотворение Блока «Скифы» на литовский язык перевел А. Балтакис [3: с. 231–234]. Перевод можно считать удовлетворительным, хотя в нём и не отражены семантические глубины текста Блока, образная насыщенность и мощь. Встречаются неточности. Так, неточно переведён эпиграф из Вл. Соловьёва: «Имя дико» переведено как “Keistas vardas” («Странное имя»). Больше подошло бы слово “laukinis” (дикий), вводящее тему варварства, которая и развивается в стихотворении Блока. Сама цитата из Вл. Соловьева требует краткого комментария. В ней соединяются взгляды философа Соловьева и поэта Блока на некоторые проблемы истории России, имеется в виду признание её монгольского прошлого. Этим обусловлена очень важная для Блока поэтика оксюморона («имя дико <...> ласкает»).

Стихотворение начинается с образа варвара, провокации и угрозы: «Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы, и тьмы. / Попробуйте, сразитесь с нами! / Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, / С раскосыми и жадными очами!» [2: с. 231]. В следующей строфе раскрывается мир скифов и их историческая обида, боль: «Для вас — века, для нас — единый час. / Мы, как послушные холопы, / Держали щит меж двух враждебных рас / Монголов и Европы!» [2: с. 232].

Акцентируются отличия и враждебность двух миров — Востока и Европы: «Вы сотни лет глядели на Восток, / Копя и плавя наши перлы…». Скифам выпала историческая судьба: защищать Западный мир от настоящих — более жестоких варваров, затем удалиться с исторического поля, оставив его другим силам, но вместе с тем и сохранить мощь, вновь заявить о себе в преддверии новой катастрофы. И новую свою миссию выполнять уже в новом облике — облике России. Далее в тексте появляется образ России-Сфинкса, а старый мир сравнивается с Эдипом: «Остановись, премудрый, как Эдип, / Пред Сфинксом с древнею загадкой!». Модифицируется один из старейших мифов западного мира. В чём заключается та старая загадка? Возможно, речь идёт о перенятом Россией у скифов варварстве, этом трудно выразимом скифском субстрате, который в себе ощущает Россия. Поэтому в стиховорении возникает современный образ варвара: ненавидящего, но и умеющего любить, открытого западной культуре, разным её формам: «Мы любим всё — и жар холодных числ, / И дар божественных видений, / Нам внятно всё — и острый галльский смысл, / И сумрачный германский гений…». Названия мест — Франции, Италии, Германии — выполняют роль культурных цитат: «Мы любим всё — парижских улиц ад, / И венецьянские прохлады, / Лимонных рощ далёкий аромат, / И Кёльна дымные громады…» [2: с. 233].

Данное стихотворение ещё раз подтверждает давно известную истину, что смысл скрыт в контекстах — национальном, культурном, политическом, в контекстах изменяющихся, нередко раскрывающих смысл, рождающийся только из знания определённого контекста. В данном случае особое значение приобретает слой политический: Россия как войной и революцией сокрушённый варвар, предлагает старому миру мир, солидарность, культурную открытость. Предлагает, разумеется, общечеловеческие ценности, однако содержание лозунгов: «Придите в мирные объятья! / <...> / Товарищи! Мы станем — братья!»; «На братский пир труда и мира, / Сзывает варварская лира!» — совсем иначе разъяснили последующие времена. Заключительные строки текста рисуют образ поэта — варвара, предлагающего Европе светлое эйфори-

ческое будущее. Предложения сопровождаются угрозами и грустными пророчествами: если Европа не откликнется на предложения мира, её ждёт поражение, уничтожение, абсолютная победа варварства в мире. Идеи мессианства России, её стремления спасать мир были особенно характерны для поздней лирики Блока. Политические и идеологические смыслы данного стихотворения устарели, можно сказать, что дальнейший ход истории это доказал. Так в чём же сила данного текста?

В особой пластике соединения прошлого и будущего. Прошлое раскрывается как тёмное пространство, полное человеческих страстей — жестокости, ненависти и способности любить. Это ощущение создаётся в первой строке («Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы»), благодаря ассоциации с наступающей скифской военной громадой. Возникает образ умершего мира с его историческими обидами и восточной мудростью. Вместе с тем чувствуется и живое начало прошлого, его присутствие в настоящем, возможность одолеть будущее. Очень впечатляет выбранный Блоком субъект речи — умершие говорят от своего имени. Не менее важно и интонирование стихотворения. Оно написано в виде монолога скифов, в котором соединены боль, просьба, провокация, мудрость, угрозы. Угроз немало, и они действительно варварские. Создан образ варвара, уничтожающего и способного убивать народы. Акцентируется звериность народа — когти, азиатская морда, и эта изотопия звериности прослеживается во всем тексте. Оксюморон становится важнейшим художественным приемом, организующим текст: «…хрустнет ваш скелет / В *тяжелых, нежных* наших лапах…»; «Она глядит, глядит, глядит в тебя / И *с ненавистью, и с любовью*…» (Курсив мой. — *В. Б.-Ш.*).

В стихотворениях А. Бернотаса и В. Бложе размышления о скифах также развивают тему истории, но они акцентируют совсем другие аспекты. «Скифы» Бернотаса впервые были опубликованы в 1981 году в сборнике «Колеи». Для его понимания необходим поэтический контекст того времени. В начале 1990-х годов уже входила в силу так называемая деревенская лирика (А. Малдонис, А. Балтакис, Юст. Марцинкявичюс, М. Мартинайтис и др.), рефлектирующая над переменами в человеческой душе. Основными ведущими мотивами этой поэзии был мотив исчезающего аграрного образа жизни народа и изменяющийся ландшафт. Стихотворение Бернотаса написано в советские годы, когда говорилось и называлось не всё, о чём хотелось сказать, поэтому в стихотворении можно отметить немногочисленные примеры эзопова языка.

Вообще образы крестьянского мира доминируют в сборнике Бернотаса «Колеи». Повторяющийся во многих стихотворениях образ —

колышущееся поле ржи на месте бывшей усадьбы. Но данное стихотворение выделяется чувством исторического времени, а пейзаж рисуется как пространство истории:

После войн, разрушений, нисколько не изменившаяся
В могилах цвета позеленевшей бронзы
Летит прыжками рожь — как в древности скифы,
Тихо колыхаясь остриями копий над головами [1: с. 171].

Что общего между давно исчезнувшим народом и литовским пейзажем? Доминируют два образа — колышущаяся рожь и прыжками летящие скифы, колосья ржи и поднятые копья. В основных фигурах содержится важная семантика, связанная с пониманием истории как круга событий, в котором, сменяя друг друга, предстают то периоды войны и мира, то времена разрухи и уничтожения. Но есть немало смысловых нюансов. Подвергается рефлексии история, представляющая скифский мир (летящие на битву воины, мечи, всадники, холмы старинных могил — скифских захоронений) и современность (поля уже созревшей ржи и обобщённый субъект «мы», наши краткие мгновения). Представлены размышления об изменении и постоянстве, о проблеме выживания — образ неведомой силой выпрямленных рек (к чему относится он — к миру скифскому или к литовскому ландшафту? А рожь после войн и разрушений нисколько не изменилась). Образы войны и разрушения очень обобщены. Принесены ли войны и разрушения соседями с Востока, наследниками скифов?

Эзопов язык Бернотаса очень изыскан, он не разрушает смысловой целостности текста. Прошлое, скифский мир уже мертвы («уже мечи под стеклом»), но вместе с тем и живы — способны как видение возникнуть в пейзаже, присутствовать в современности. То прошлое, как и в стихотворении Блока, оказывается живее настоящего, оно способно менять настоящее, доминировать, занять его место. Рожь — гарант вечно живого начала и выживания, но в могилах она — «цвета позеленевшей бронзы», то есть с оттенком и привкусом смерти. Четырежды упоминается в тексте старинная позеленевшая бронза, она соединяет прошлое с настоящим, указывая на общее между ними. Образы прошлого и настоящего подчёркнуто сближены: «А во ржи — как в тишине старинной бронзы», «И ветер — словно на старинной бронзе — приминает рожь всё так из века в век», и кажется, что прошлого становится всё больше. В стихотворении создана балладная атмосфера встречи живых и умерших:

По распрямлённой реке по-старинному криво
Луна сгибается месяцем, как юркий скиф...
Пришив стремена, скачет всадник
Цвета полнолуния. С того света — сюда [1: с. 171].

Это помогает выделить ощущение времени — «выпасть из времени», почувствовать вечность в наших кратких мгновениях, ощутить постоянную связь между «тем» светом и «здешним». Возможно, что Бернотас знал блоковских «Скифов». На это указывает восприятие времени — противопоставление веков и мига (сравним у Блока: «Для вас — века, для нас — единый час»), встреча живых и мёртвых, чувство мощи прошлого и его живучести.

Образы скифов в стихотворении Бернотаса наполнены семантикой борьбы, войны. Отсутствие отрицательных коннотаций указывает на традиционно установившийся смысл варварства. Скачущий скиф — это только воин, только участник истории. Стихотворение написано как бы без упрёков истории, с пониманием её динамики, её темных сил. История изображается скорее как пространство смерти — это могилы, могильные холмы, войны, руины, застывшее в музеях прошлое, но у истории есть и символ вечной жизни — колышущееся поле ржи, и этой истине она подчиняется.

Совсем иная картина предстаёт в стихотворении В. Бложе: оно исполнено боли за причинённые обиды. Для понимания стихотворения вновь обратимся к контекту сборника ранних произведений поэта «В старой усадебке», которые в советские годы по идеологическим причинам опубликованы быть не могли. Это действительно произведения, написанные «в стол», позднее большая их часть была отредактирована. У «Скифов» две даты написания: 1958–1993. История в стихотворении предстает в конкретных образах — Второй мировой войны и послевоенных лет. Мир разбит на фрагменты, акцентируются исчезновение, холод, страх. Враги разрушили старую родительскую усадебку — основной мотив сборника: «В холодном зеркале / Сияющее серебро старого дома / И подсвечники, / Вынесенные на продажу». Отрицательные коннотации мира расширяются и усиливаются во всём тексте: «На бесчисленных могилах / Пляшет чучело предательства», «Ветер, ветер. На площадях трупы. / Братьев убиенных. Вороны / каркают. Крысы, жиреющие от мертвечины, / Возятся. А по лесам / Воют волки». Создавая жуткий слой реальности, Бложе противопоставляет его образу праздника. Это излюбленный прием создания поэтического мира — переплетение изображений смерти и праздника, создающий сюрреалистический, гротескный образ мира.

Скифы. Они поселились в опустевших
Квартирах исчезнувших. Где твои
Отец, мать? Тебе велено играть
На танцах. Красную тряпку повесили, топочут
Скифы, пьют и веселятся. Играешь,
Ребёнок, играешь, сдерживая слёзы [4: с. 87].

«Ведалас» — окказионализм для выражения саркастически-уничижительного отношения к символам власти. Скифы чествуют своих предводителей и отмечают свои праздники. Они заполняют пустые дома, а за всем происходящим наблюдают детские глаза, что увеличивает степень иррациональности и фрагментарности текста. Сон трансформирует реальность. Сон рассказывает о судьбе евреев, в нём появляется видение Бога. Бог в творчестве Бложе почти всегда связывается с мотивами насилия и смерти. Тема евреев, свидетельствующая о жестокости и несправедливости Второй мировой войны, развивает тему «скифов». Скифы — все оккупанты, с Востока ли, с Запада ли, разрушившие мирное существование народа, превратившие идиллический строй усадьбы в кошмар. Скифы становятся значимой эмблемой. В стихотворении Бложе скифы воплощают собой настоящие признаки варваров как разрушителей, и трактовка образа однозначна и негативна. Изотопия зверства скифов сближает стихотворения Бложе и Блока.

Суггестии блоковских «Скифов» в стихотворениях литовских поэтов ощутимы, однако прямых перекличек немного. Можно сделать вывод о том, что понимание варвара и варварства различны, смыслы создаются самостоятельно. Каждый из трёх текстов возник в ситуации своей культуры и литературы, однако сближает их поле политических и идеологических напряжений, с помощью которого чаще всего и раскрываются трагические аспекты истории.

Литература

1. Bernotas A. Vėžės / A. Bernotas. – Vilnius: Vaga, 1981 – 215 p.
2. Блок А. Стихотворения и поэмы / А. Блок. – Каунас: Швеса, 1984. – 233 с.
3. Blokas A. Lakštingalų sodas / A. Blokas. – Vilnius: Vaga, 1980. – 194 p.
4. Bložė V. Sename dvarely / V. Bložė. – Vilnius: Vaga, 1994. – 165 p.
5. Скифо-сарматская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2-х тт. – Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – С. 445–450.
6. Скифы // Энциклопедия русской истории. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – С. 505–506.

V. Balsevichute-Shlekene

Barbarian Theme in Lithuanian and Russian Poetry

Three poems with the same title “The Scytians“ by different authors are being analysed in this article. These authors are — Alexander Blok, who wrote this poem in January 1918, Albinas Bernotas, the poem being found in his collection “The Ruts“ (1981), and Vytautas Bloze, the poem being found in his collection of poems “In the old manor“ (1994). The themes of history, relations between different nations, their survival and extinction and other moments are being reflecting in all the three texts. The connection of the past to the present, the relationship between Russia and West European countries in the end of the World War I were relevant to Alexander Blok. In Albinas Bernotas’ poem history is being presented as the space for war, fighting and death, in which the Scythians were only the element of history. Vytautas Bloze portrays the Scythians as the invaders from the East, having destroyed his parents’ house. Between Lithuanians and Russians there has always been great cultural and political tension. This determines different approaches to the understanding of the idea and image of a barbarian and barbarism.

Key words: the theme of a barbarian; the poetry of A. Blok, A. Bernotas and V. Bloze.